

ПРЕДИСЛОВИЕ

1 августа 2007 г. Александру Михайловичу Решетову исполняется 75 лет. Ученые самых разных областей гуманитарного знания — этнографы и востоковеды, историки и филологи — объединились с исключительным подъемом и представили к этой дате свои статьи в сборнике, посвященном ученому большого дарования, личности незаурядной, очень многогранной, яркой, обладающей широким научным диапазоном и могучим темпераментом. Очень многие ученые откликнулись на предложение принять участие в юбилейном издании, так что составителям пришлось ограничить их число и оставить только те статьи, которые в той или иной степени находятся в русле идей и направлений, свойственных научному творчеству самого юбиляра.

Александр Михайлович родился 1 августа 1932 г. в рабочем поселке Глубокое в 200 км от Ростова-на-Дону. Отец его Михаил Иванович Решетов водил поезда по Юго-Восточной железной дороге, был удостоен звания почетного железнодорожника СССР, этой же профессией овладели два его старших сына — Иван и Николай, а дочь Валентина служила на этой же дороге. Мать — Матрена Фоминична — растила четверых детей, под ее строгим контролем все члены семьи от мала до велика участвовали в огородных работах и уходе за домашним скотом. Личная вовлеченность Александра Михайловича с детских лет в деревенский труд позволила ему в дальнейшем в бытность этнографом прекрасно разбираться в тонкостях народной материальной культуры.

В старших классах Александр Михайлович увлекался историей дипломатии, много читал, был правой рукой школьной библиотекарши. Первым проглатывал все новые поступления. Закончив школу с серебряной медалью, в 1951 г. поехал в Москву поступать в МГИМО, но опоздал — в том году прием закончился раньше обычного, 20 июля. А.М. Решетову пришлось расстаться с мечтой о карьере дипломата и отправиться в Ленинград. Судьба сберегла его для востоковедения и этнографии.

А.М. Решетов поступил на Восточный факультет на отделение истории Китая на кафедру истории стран Дальнего Востока, которой заведовал Г.В. Ефимов. Этого историка наряду с Н.В. Кюнером, И.П. Петрушевским, Л.А. Березным и Е.Я. Люстерник он глубоко чтит как своих Учителей.

Три члена когорты историков Китая, закончившие на год раньше А.М. Решетова ту же кафедру (Е.И. Кычанов, В.И. Ларичев, В.С. Кузнецов), по сей день сохраняют с Александром Михайловичем научные и дружеские связи, их научные подношения к его юбилею читатель найдет в настоящем сборнике.

В 1956 г. по окончании университета А.М. Решетов поступает в аспирантуру Института этнографии, обучение в которой было прервано стажировкой в КНР. А.М. Решетов едет в Китай с мыслью о своем будущем этнографа и на протяжении четырехлетнего пребывания в этой стране знакомится с ее древней культурой, осваивает китайский разговорный язык, пристально всматривается в состояние китайского общества (начиналась культурная революция), пытается глазами этнографа увидеть народную жизнь, интересуется этническим многообразием населения, знакомится с китайской этнографической наукой и ее видными представителями: Линь Яохуа, Чэнь Юнлином, Су Кэцином, Юй Даоцюанем и др. Именно в Китае состоялась счастливая, пожалуй, судьбоносная встреча с Н.Н. Чебоксаровым и К.М. Сергеевым (с Н.М. Дудинской А.М. Решетов уже был знаком). Здесь же завязались дружеские отношения с В.Ф. Гусаровым, Б.Н. Мельниченко, Н.А. Мазуром, Э.С. Стуловой, с московскими китаистами М.И. Титаренко, М.В. Крюковым, А.А. Москалевым, с радостью откликнувшимися спустя полвека на предстоящий юбилей «друга юности».

В декабре 1960 г. А.М. Решетов возвращается в Ленинградскую часть ИЭ АН СССР (ныне — МАЭ РАН), с которым связана с тех пор вся его дальнейшая жизнь и деятельность. Здесь он прошел путь от младшего до ведущего научного сотрудника, стал автором более 500 научных работ, приобрел широкую известность в научных кругах.

Свою научную деятельность А.М. Решетов начал как этнограф-китаист. Прекрасно владея китайским языком, он являет собой образ настоящего этнографа, соответствующего требованиям, предъявляемым классиками отечественной этнографии к исследователю, собирающемуся изучать какой-либо народ. Для этого было необходимо прежде всего знать язык этого народа. За годы советской власти эта традиция была почти утрачена и по-настоящему не восстановлена до сих пор. Как этнограф-китаист, А.М. Решетов в этом смысле представляет собой редкий пример сохранения непреходящих по своей ценности традиций российской этнографии. Знание языка способствовало его становлению как китаиста в широком понимании: его работы посвящены не только этнографии, этнической истории, вопросам социальной организации, но и проблемам истории и филологии преимущественно малых народов Китая. А если говорить более точно, то для трудов А.М. Решетова в области китайской этнографии характерен комплексный подход, поэтому они в равной

мере интересны как для историков, так и для филологов, что не раз подтверждалось реакцией на его выступления на многочисленных востоковедных конференциях и откликами в печати.

А.М. Решетов внес значительный вклад в написание томов в серии «Народы мира», посвященных Восточной и Юго-Восточной Азии.

Постепенно молодой ученый начинает расширять свое исследовательское поле, включая в сферу научных интересов этнографическое изучение других стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Отдельные сюжеты и проблемы, поставленные на китайском материале, перекликаются в трудах А.М. Решетова со сходными этнографическими сюжетами соседних или находящихся под влиянием китайской культуры стран — Монголии, Тибета, Юго-Восточной Азии.

Уже на раннем этапе своего научного становления А.М. Решетов почувствовал вкус к теоретическим проблемам этнографии (проблемам родства и семейно-брачных отношений, хозяйственно-культурных типов, этноса, этнопсихологии, методам этнографического исследования и др.). Во многом интерес к проблемам общей этнографии у молодого ученого стимулировали активно развивавшиеся в 1960-х годах прошлого века острые дискуссии и обсуждения по вышеназванным проблемам в окружающей научной среде, печати, личном общении с выдающимися учеными, стремившимися к творческому развитию науки, называемой в то время советской этнографией. Среди ряда крупных ученых, под воздействием которых А.М. Решетов проходил этнографическую школу, прежде всего следует назвать Николая Николаевича Чебоксарова. Несмотря на то, что один жил в Москве, а другой в Ленинграде, они были очень тесно связаны не только научными, но и личными, дружескими узами. Н.Н. Чебоксаров, исключительно эрудированный, широко образованный ученый-антрополог в западном понимании этого слова, во многом пробудил и сформировал исследовательские интересы молодого ученого. Как мы отметим далее, А.М. Решетову вообще свойственно крайне благодарное и уважительное отношение к старшим коллегам. Многих из них он воспринимал как своих учителей. Что касается Н.Н. Чебоксарова, то у Александра Михайловича до сих пор сохраняется к этому ученому особо теплое, трепетное чувство. Он отдал ему дань огромного уважения в нескольких специальных статьях, а мы — коллеги и друзья А.М. Решетова — слышали от него столько рассказов о Н.Н. Чебоксарове, что создалось впечатление, что сами долго с ним общались и очень хорошо знаем этого в высшей степени серьезного ученого и в то же время трогательного, смешного человека, в сущности, большого ребенка, человека, пережившего большую трагедию, но умевшего ценить жизнь и наслаждаться ее лучшими проявлениями. Под руководством Н.Н. Чебоксарова А.М. Решетов написал кандидатскую диссертацию на тему «Буи. Историко-этнографический очерк» и успешно защитил ее в Москве в 1967 г.

В 1970 г. А.М. Решетов создал группу общей этнографии и в течение нескольких лет руководил ею на общественных началах — до создания в Институте одноименной структурной группы. Доклады, сделанные на заседаниях этой группы, составили два сборника: «Охотники. Собиратели. Рыболовы» (1972) и «Ранние земледельцы» (1980).

С конца 1970-х годов внимание исследователя, наряду с теорией этнографии, начинает привлекать и ее история, прежде всего история российской этнографии в лице конкретных ее представителей. Именно с этого времени можно вести отсчет основанному им направлению, которое он успешно развивает и совершенствует. За прошедшие годы вышло множество его статей об ученых, внесших огромный вклад в российскую этнографию, но часто забытых, хотя последующие поколения пользуются результатами трудов предшественников, даже не подозревая о масштабе личности последних. А.М. Решетов серией своих статей об этнографах, директорах и работников Музея антропологии и этнографии (Д.К. Зеленине, Н.В. Кюнере, Л.И. Шренке, В.В. Радлове, Е.Ф. Карской и др.), об ученых-эмигрантах (С.М. Широкогорове, С.Г. Елисееве, В.А. Рязановском и др.) уничтожил многие белые пятна в истории отечественной этнографии, а в ряде случаев восстановил и открыл для нас имена и роль исследователей, которые на долгие годы были вычеркнуты из памяти поколений. Именно А.М. Решетов впервые обратился к исследованию научного творчества ученых, подвергшихся репрессиям. Позже это направление, названное репрессированной этнографией, было подхвачено и развито более предприимчивыми деятелями науки. Работы восстановления справедливости и научной истины он годами работал в специальных архивах, изучал документы, дела невинно осужденных ученых (Н.М. Маторина, Б.А. Куфтина, Б.Н. Вишневого, К. Герда, М.Б. Шатилова, Т.А. Крюковой и др.), их труды, освещал их огромную роль в развитии отечественной этнографии. Своим буквально подвижническим трудом в этой области А.М. Решетов заслужил огромное чувство благодарности не только от ученых — своих современников, но и от ныне живущих родственников репрессированных этнографов. А это дорогого стоит.

В историографическом аспекте следует рассматривать и многочисленные статьи-некрологи, написанные А.М. Решетовым, хотя это может некоторым показаться и кощунственным. Но надо при этом знать личностные особенности характера А.М. Решетова. Он вообще внимательно следит за работами своих коллег, независимо от их возраста, специализации и титулов, а при утере их откликается прочувствованными некрологами, менее всего напоминающими формальные статьи в этом жанре. В них всегда даются убедительные, исторически важные характеристики. Многие такие статьи-некрологи часто посвящены ушедшим из жизни ученым, казалось бы, не

близким А.М. Решетову по узкой специальности. Более того, он отмечал в наших изданиях уход из жизни и тех уже бывших коллег, которые уехали из России и умерли за границей. Но его широкий научный кругозор позволял ему оценить роль того или иного ученого в этнографии, вклад в развитие науки. И главное, он всегда чувствует себя обязанным отдать последний долг коллегам и оставить последующим поколениям память о предшественниках, их открытиях и достижениях, запечатлеть черты их личности. В таких случаях его собственные дела откладываются. Самое важное в данный момент для него — выразить свое высокое уважение к памяти коллеги и сделать все возможное, чтобы не затерялся его след в науке. Не часто в научной среде встречаются личности, способные пожертвовать собственной работой, которая, конечно же, считается самой важной, ради памяти коллеги. Поэтому статьи, написанные А.М. Решетовым по следам печальных событий, являются необходимой составной частью развиваемого им направления — истории отечественной этнографии.

В настоящее время А.М. Решетов самоотверженно работает над монументальным биобиблиографическим словарем российских этнографов и антропологов XX в. Сегодня он, несомненно, является лучшим в России знатоком истории отечественной этнографии и творческих биографий ее представителей. К нему постоянно обращаются за справками со всех концов России, ближнего и дальнего зарубежья. Его труды в этой области были заслуженно оценены и зарубежными этнографами. Так, в монументальном словаре «International Dictionary of Anthropologists» (Gen ed. Ch. Winters N.Y., L. 1991. 823 p.) благодаря А.М. Решетову было введено в мировую этнографию много имен российских ученых, статьи о которых им же и были написаны.

А его рассказы из истории российской этнографии в неформальной обстановке — это блестящие этюды, иногда разыгрываемые им в лицах. Сочетающие в себе конкретные сведения, высокую научность и юмор, они навсегда врезаются в память заинтересованных слушателей и остаются живой иллюстрацией прошлого отечественной науки. Тщательно, очень скрупулезно изучая историю этнографии, общаясь за свою полувековую научную деятельность со многими учеными, в том числе и выдающимися исследователями XX в., А.М. Решетов своим разнообразным и разносторонним научным творчеством тоже уже принадлежит истории отечественной этнографии и, несомненно, является ее гордостью. Но мы, его современники, не всегда сознаем, с личностью какого масштаба разговариваем, пьем чай, шутим. И это замечательно и только подтверждает правило, что по-настоящему крупным и умным людям органически присуща простота в повседневном общении.

В богатырской фигуре А.М. Решетова, которой под стать и его мощный интеллект, соединились, казалось бы, несовместимые качества ученого. Он самозабвенно работает с книгами в библиотеках, с материалами архивов, предан музейному делу и его «бухгалтерской» документации, любит кабинетную тишину. И в то же время он не мог жить и работать без живой стихии полевых исследований, постоянного ощущения жизненного потока и почти ежегодно по несколько месяцев проводил в экспедициях. Не считая многолетнего пребывания в Китае, он бывал в этнографических экспедициях у калмыков, ненцев, селькупов, объездил Приморский край и Сахалин, Монголию, неоднократно — всю Среднюю Азию и Казахстан. Один из составителей данного сборника — Е.В. Ревуненкова — ездила вместе с ним в Среднюю Азию изучать уйгуров, таджиков и узбеков и была свидетелем того, как быстро и естественно он вживался в любую среду обитания. Он сразу воспринимался как аксакал, без труда располагал к себе людей, с первых минут завораживал их своими рассказами. Выразительно, умно, логично, с юмором он мог говорить на любые темы, поддержать любой разговор. И через короткое время окружающие буквально раскрывали перед ним свои сердца. Как истинный этнограф, он жил жизнью того народа, который изучал. И в полевых условиях оставался тем же безусловным лидером, как и в научной среде, впрочем, как и везде, где бы ни находился. Особенно интересно было наблюдать, как в условиях экспедиции при обсуждении добытых в течение дня материалов в ходе импровизированных бесед у А.М. Решетова тут же рождались мысли, ассоциации, сопоставления из известных ему сведений по истории и теории этнографии, вещей, коллекций. Это была, в сущности, настоящая неформальная этнографическая школа.

Между тем у А.М. Решетова очень рано появились и собственные ученики, немало их и в настоящее время. Он заботливо выращивает их, многие из них работали и работают по специально составленным им программам. Ему присущ особый дар наставничества, умение пробудить интерес к тому, что интересно ему самому, и одновременно он увлекается теми же проблемами, сюжетами, предметами, которые заинтересовали его учеников. Помимо формальных учеников у А.М. Решетова имеется несметное число людей, которым он очень помог своими советами, знаниями, опытом. Авторы предисловия относятся к их числу и в этом смысле тоже считают себя учениками А.М. Решетова. Многие ученики А.М. Решетова давно стали кандидатами и докторами наук. А сколько людей из разных мест бывшего СССР и нынешней России с его помощью — научной и организационной — защитили кандидатские и докторские диссертации, счету не поддается. Сам он не защитил докторскую диссертацию — было жаль тратить время на связанные с этой процедурой формальности.

Но в науке тоже есть гамбургский счет, и все мы знаем, что по своим многочисленным талантам, которым природа щедро его одарила, по обширным знаниям в области конкретной и теоретической этнографии, по высоте творческого полета и широте научного кругозора он представляет тип истинного ученого самого высокого класса, намного выше уровня обычного доктора наук. К нему обращаются по самым разным проблемам этнографии, его мнением дорожат ученые, которые формально занимают более высокое положение в науке. Не случайно в юбилейном сборнике приняли участие много докторов наук, академик, директора двух академических институтов.

Бурный научный темперамент сочетается у А.М. Решетова с не менее бурным общественным темпераментом. Это человек огромной социальной активности, всегда стремящийся быть в эпицентре событий. В советское время люди такого склада во многом для реализации своих научных, организаторских и административных способностей вступали в ряды КПСС. А.М. Решетов был активным членом КПСС, не раз избирался в руководящие местные органы этой организации, был секретарем местной партийной организации. Позже, уже в иной обстановке, он никогда не старался скрыть этого факта своей биографии, не калялся, не заявлял о перемене своих взглядов и не стал называть себя демократом, а продолжал спокойно и достойно заниматься своей разнообразной научной деятельностью, как это делал всегда. А занятия репрессированной этнографией, восстановление имен исследователей, загубленных режимом, может быть, самая достойная реакция на преступления этого режима. Пример А.М. Решетова говорит о том, что и в самых неблагоприятных для развития свободной мысли условиях можно отстаивать свое мнение и оставаться порядочным человеком. В 60-х годах прошлого века в МАЭ (тогда Институт антропологии и этнографии, который был частью Московского института) проходила очень острая дискуссия по коренным проблемам социальной организации. Дискуссия развернулась между сторонниками сохранения «чистоты» марксизма (считавшегося единственно верным в то время учением) и реформаторами (их тогда называли ревизионистами), которые исповедовали провозглашенный самими марксистами принцип развития и на основе новых научных фактов стремились по-новому взглянуть на проблемы социальной организации первобытного общества. Реформаторами были в основном молодые ученые, их оппонентами — маститые ученые, обладавшие к тому же, выражаясь современным языком, административным ресурсом (главным из последних был видный ученый и директор МАЭ доктор исторических наук и заслуженный деятель науки Леонид Павлович Потапов, с которым позднее у Александра Михайловича сложились прекрасные отношения). А.М. Решетов, будучи молодым сотрудником, еще не защитившим кандидатскую диссертацию, актив-

но включился в дискуссию и благодаря логике своей аргументации и совершенно исключительным организаторским способностям смог переломить весьма опасную для многих участников ситуацию и в буквальном смысле слова спасти так называемых ревизионистов от мер административного воздействия, т.е. увольнения. Они остались работать в науке, успешно развивали ее в дальнейшем, став учеными с мировым именем. Один из них, Владимир Рафаилович Кабо, ныне живущий в Австралии, незамедлительно откликнулся на предложение участвовать в сборнике в честь А.М. Решетова. Современными молодыми учеными эта ситуация может восприниматься с иронией. Она действительно абсурдна, если оценивать ее с современной точки зрения.

Но ученые, еще помнящие научную атмосферу 1960-х годов — при этом далеко не худшую в истории науки — хорошо понимают, какая серьезная угроза нависала над научной карьерой, а в конечном счете и жизнью реформаторов за малейшее отступление от буквы доктрины, считавшейся тогда единственно правильной.

Огромный организаторский талант А.М. Решетова особенно активно реализовался в годы, когда он семь лет был ученым секретарем Института и 30 лет — ученым секретарем диссертационного совета. Именно в эти годы происходили защиты диссертаций многих «засидевшихся» к тому времени без научной степени, но вполне сложившихся ученых на всем пространстве бывшего СССР, а потом России — от восточных до западных, от северных до южных границ. Без преувеличения можно утверждать, что большинство кандидатов и докторов в МАЭ стали таковыми при содействии А.М. Решетова. И составители сборника относятся к их числу.

Многие годы Александр Михайлович был членом Президиума Ассоциации этнографов и антропологов. Участвовал в работе многих международных конгрессов. На шести конгрессах антропологов и этнографов России возглавлял секцию по истории науки. Входил в редколлегию сборников МАЭ (был ответственным редактором многих из них), «Курьера Петровской Кунсткамеры». А с 1992 г. он является членом редколлегии «Этнографического обозрения».

Много лет А.М. Решетов был руководителем отдела Восточной и Юго-Восточной Азии, менявшего названия и состав сотрудников, был и остается бесценным организатором Кюнеровских чтений. В настоящее время он редко появляется в Музее, но ему по-прежнему интересно все, что в нем происходит: и движение научной мысли, и как развивается музейное дело, и взаимоотношения в коллективе, и судьбы сотрудников — бывших и настоящих. Меньше стало физических сил, но сила его интеллекта и духа все та же. И каждый, кто общается с ним, кто верен ему и кому он доверяет, по-прежнему находится под воздействием и обаянием этой не похожей ни на кого личности.

Как мы видели из биографии, А.М. Решетов воспитывался в патриархальной семье, в рабочем поселке и с детства впитал в себя крепкие моральные устои, нравственные ценности и этику поведения южно-русской провинции. В семье он не мог получить того огромного багажа знаний по культуре и искусству, какой он имеет сегодня. В эстетическом смысле он воспитал себя сам. Став студентом Ленинградского университета, он жадно впитывал и усваивал дух и культурные ценности Ленинграда-Петербурга. Искусство стало такой же необходимой потребностью его жизни, как и наука. Многие годы он почти каждый вечер бывал либо в театре, либо в филармонии. Но если говорить об основной эстетической целеустремленности А.М. Решетова, то это прежде всего балет. С ранней юности и вплоть до настоящего времени он не просто предан этому искусству, он им живет и знает историю и современную ситуацию в балете не хуже, чем историю этнографии. Почти 50 лет он был близким другом, собственно говоря, своим человеком в доме великих танцовщиков современности — Натальи Михайловны Дудинской и Константина Михайловича Сергеева, которые очень ценили его мнение о той или иной постановке и всегда прислушивались к нему как балетному критику. По своей натуре Александр Михайлович — перфекционист. Если он берется за какое-нибудь дело, то старается довести его до уровня совершенства и высокого профессионализма. Это относится и к критическим статьям и заметкам об искусстве балета. Он свято предан своим друзьям-танцовщикам и после их кончины. Много сил и энергии затратил А.М. Решетов для увековечения памяти сначала К.М. Сергеева, а потом и Н.М. Дудинской. Был составителем и автором книги воспоминаний о Н.М. Дудинской, основателем просветительских лекций об искусстве выдающихся российских танцовщиков в Российской Национальной библиотеке. И в настоящее время он сам выступает с воспоминаниями о многих выдающихся балеринах и танцовщиках, которых видел и с которыми был хорошо знаком, приглашает многих известных деятелей искусства, демонстрирует записи фильмов-балетов, комментирует их в сравнительно-историческом контексте. Эти лекции представляют собой синтез науки и искусства и отличаются особой эмоционально-интеллектуальной атмосферой, в которой все присутствующие как будто находятся на одной эстетической волне. Лекции привлекают большую аудиторию, в том числе и зарубежных гостей, что не раз наблюдали авторы этих строк.

Не хочется, чтобы в силу юбилейного характера сборника у читателей создалось впечатление об Александре Михайловиче Решетове как об очень благом, благожелательном ко всем и ко всему человеку, «приятном во всех отношениях». Нет, будучи натурой страстной и пристрастной, он нередко не справляется с захлестыва-

ющими его эмоциями, бывает несдержан и несправедлив к людям в ситуациях, которые его раздражают. Его гневу подвергаются все, даже самые близкие друзья. Многие, кому он приносил огорчения, обижались на него надолго, нередко навсегда. Но никогда за бурными вспышками его темперамента не кроются злоба или мстительность. Он так же быстро отходит, как и взрывается. Те, кто знает его многие годы, кто постоянно сотрудничает с ним, убеждаются, что за резкостью, прямоотой и нелицеприятностью его суждений стоят искренняя заинтересованность в разрешении той или иной проблемы, ситуации, судьбы коллектива или отдельного человека. Конечно, он нередко ошибается, но кто же бывает всегда прав? Масштаб его личности позволяет прощать неровности его бурного увлекающегося характера. Как говорил в таких случаях великий китаист академик В.М. Алексеев, надо видеть лес из-за деревьев, а не рассматривать всю жизнь одни царапины.

К числу не сосредоточенных на «царапинах», нанесенных в былые времена героем нашего рассказа, относится наша коллега Валерия Александровна Прищепова, знаток коллекций отдела Центральной Азии, поделившаяся с нами своими воспоминаниями. «Я поступила на работу в МАЭ в 1975 г. в просветотдел. Сотрудникам отдела часто приходилось иметь дело с грозным ученым секретарем А.М. Решетовым. В трепет приводили его нахмуренные густые брови, раскатистый голос и крупное телосложение. Наш рабочий день в те времена начинался ровно в 9:30. В случае опоздания на несколько минут нужно было писать объяснительную записку на имя ученого секретаря, который часто по утрам стоял на лестнице со служебного входа с блокнотом в руках. Чуть смягчился образ ученого секретаря в моих глазах после очередного распекания меня в его кабинете. Я стояла перед его письменным столом, вытянувшись в струну, и у меня от страха холодели руки. Вдруг А.М. Решетов взглянул на меня, и я впервые с удивлением заметила, что у него длинные черные ресницы, голубые глаза и красивая белоснежная улыбка. Под впечатлением от увиденного я попятилась из кабинета, в коридоре столкнулась с Г.И. Дзенискевич и выпалила ей все. Она ничуть не удивилась, пожалала плечами и сказала, что все это знает, т.к. они сокурсники. В дальнейшем мне приходилось обращаться за советами к Александру Михайловичу. Как бы он ни был загружен работой, заглянув через груды книг на столе, он всегда был готов побеседовать и дать рекомендации. Особенно это было ощутимо в период перед защитой. Мой научный руководитель Т.В. Станюкович очень внимательно и придирчиво относилась к своим соискателям и аспирантам. Но все равно последней инстанцией, которая доводила “до кондиции” текст автореферата, был А.М. Решетов. После его редакции все успокаивались. Я считаю, что все мы, кто про-

шел защиту диссертаций через руки А.М. Решетова, — его ученики. Он был уверенным в своих действиях постановщиком, сценаристом и режиссером всех ученых советов по защите. Все защиты проходили легко, профессионально и без затягивания процедуры. Особенно доброжелательно он относился к “своим” сотрудникам, всячески поддерживал и оберегал от возможных осложнений на защите. К сожалению, я довольно редко последнее время беседовала с Александром Михайловичем по интересующим нас темам — о собирателях коллекций МАЭ. Я знаю его занятость, стесняюсь лишний раз отвлечь его. Это очень знающий, начитанный профессионал. Я желаю ему плодотворного труда и крепкого здоровья».

Мы, много лет проработавшие с ним в нашем учреждении, не раз бывавшие с ним в экспедициях и в разных поездках, наблюдавшие его в самых разных ситуациях и имевшие с ним далеко не всегда гладкие и ровные отношения, считаем А.М. Решетова человеком выдающимся. Ему присуща огромная потребность в научном творчестве и искусстве. Он получает наслаждение от того и другого и в каждой из этих областей достиг уровня высокого профессионализма. С ним всегда интересно. В любом обществе А.М. Решетов становится центром притяжения. Там, где он, — интересная беседа, блеск, остроумие. Он восхищает своим особым ощущением полноты бытия, вкусом к жизни во многих ее проявлениях: в научной деятельности, искусстве, застолье, где он изумительный тамада. В его годы ему еще все интересно. Он жаден к знаниям, музыке, балету, но равнодушен к так называемым материальным благам, обходясь самыми элементарными. Единственное богатство его несложного домашнего быта — книги, которые уже почти вытеснили своего хозяина, оставив ему ничтожное жизненное пространство, и множество растений, за которыми он заботливо ухаживает, а они цветут круглый год. В разных ситуациях, в обсуждении насущных научно-организационных вопросов он выражает свое мнение прямо, конкретно, порой остро полемично, а не плетет невнятную сумятицу и не говорит так, чтобы ничего не сказать, потому что так жить спокойнее. Вот спокойствия-то в жизни А.М. Решетова не было и нет. Стремление к спокойной жизни — не его стихия.

Формально А.М. Решетов в МАЭ не работает. Но сознание того, что личность такого огромного научного кругозора и творческого диапазона живет и плодотворно трудится среди нас, что к нему можно обратиться по многим проблемам этнографии, дает заряд особой жизненной энергии, которая помогает всем нам достойно и целенаправленно продолжать заниматься своим делом в науке.

Е.В. Иванова, Е.В. Ревуненкова